

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-378-395

EDN: VPBFWB

Научная статья / Research article

Политика памяти на уровне местных сообществ в современной России: опыт Урала и Сибири

М.Ю. Мартынов¹ , А.И. Габеркорн¹ , Л.А. Фадеева²

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Российская Федерация

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

✉ lafadeeva2007@yandex.ru

Аннотация. Авторы характеризуют понятия «историческая политика» и «политика памяти» и рассматривают их воздействие на коллективную память местных сообществ Сибири (г. Лянтор Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры) и Урала (г. Кудымкар в Пермском крае). Исследование проводилось на основе анализа нормативно-правовых актов регионального и локального уровня, отчетных материалов о проведенных мероприятиях учреждений и организаций, экспертных интервью и массового опроса в г. Лянтор. Авторы исследуют соотношение гражданской и локальной идентичности как результат политики памяти на уровне местных сообществ, используя в качестве маркеров такой политики программы и мероприятия. Особое внимание отводится в статье институтам и акторам политики памяти, таким как культурные учреждения, общественные организации. Коллективная память с ее эмоционально-аффективными компонентами является результатом совокупности процессов и может включать мифологическую составляющую, что особенно проявляется в отношении этнической идентичности, в контексте статьи в коми-пермяцком кейсе. Эффективность политики памяти определяется по тому, насколько она позволяет соотнести разные идентичности, которые консолидируют, а не разъединяют локальные сообщества.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, местные сообщества, институты, акторы, этническая идентичность, культура, Кудымкар, Лянтор

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20086 «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности»).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Фадеева Л.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Фадеева Л.А. Политика памяти на уровне местных сообществ в современной России: опыт Урала и Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 378–395. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-378-395> EDN: VPBFWB

Local Memory Politics in Contemporary Russia: Evidence from the Urals and Siberia

Mikhail Yu. Martynov¹ , Alyena I. Gaberkorn¹ , Liubov A. Fadeeva²

¹Surgut State University, Surgut, Russian Federation

²Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

✉ lafadeeva2007@yandex.ru

Abstract. The authors characterize the concepts of “historical politics” and “memory politics”, and examine their impact on the collective memory of local communities in Siberia (Lyantor, Surgut District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra) and the Urals (Kudymkar, Perm Krai). The study was conducted based on an analysis of regional and local legal acts, reports on events held by institutions and organizations, expert interviews, and a mass survey in the town of Lyantor. The authors examine the relationship between civic and local identity as a result of memory politics at the local community level, using programs and events as markers of such politics. The article devotes special attention to institutions and actors engaged in memory politics, such as cultural institutions and public organizations. Collective memory, with its emotional and affective components, is the result of a complex set of processes and can include a mythological component, which is particularly evident in relation to ethnic identity, in the context of the article’s study of the Komi-Permyak case. The effectiveness of memory politics is determined by the extent to which it enables the reconciliation of different identities that consolidate, rather than divide, local communities.

Keywords: historical politics, memory politics, local communities, institutions, actors, ethnic identity, culture, Kudymkar, Lyantor

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-20086 “Historical Policy of Local Communities and the Formation of Regional and National Identity”).

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Martynov, M.Yu., Gaberkorn, A.I., & Fadeeva, L.A. (2026). Local memory politics in contemporary Russia: Evidence from the Urals and Siberia. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 378–395. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-378-395> EDN: VPBFWB

Введение

«Поворот к памяти», зафиксированный в истории, политологии, социологии в XXI в. имеет многолетнюю и сложную предысторию. Понятия «историческая политика» (*Geschichtspolitik*), «политика памяти» (*politique de mémoire*) и «коллективная память» (*mémoire collective*) часто используются как синонимы,

но обладают разной онтологией и функциями. Сами термины, как можно судить по этимологии слов, принадлежат разным страновым и дисциплинарным традициям [Ферро 1992; Dixon, Hales 2014]. *Geschichtspolitik* исходит из германского опыта «спора историков» и попыток сформировать позитивные основания немецкой идентичности; неслучайно термин был подхвачен польскими историками, распространен в Восточной Европе, сопряжен с формированием институтов, оформлением нормативно-правовой базы. В XXI в. историческая политика понимается как целенаправленные практики государственных акторов по утверждению доминирующих интерпретаций прошлого с использованием административных, финансовых и символических ресурсов [Миллер 2009].

Политика памяти понимается как «государственный и негосударственный (осуществляемый негосударственными акторами) курс по выстраиванию исторической памяти, общие представления членов политического сообщества о своем прошлом»; акцент при этом делается на взаимодействии разных акторов в выстраивании знаковых событий, символических маркеров коллективной памяти [Самаркина 2017: 666].

Степень изученности проблемы

Существует обширный пул исследований памяти, в этом научном поле идут острые дискуссии не только по причине его сложности и постоянного расширения объектов исследования — от фокуса на национальной памяти и идентичности до социальных общностей разного типа [Васильев 2012], но и ввиду включения исторических реалий в политический и публичный дискурсы. Коллективная память как понятие анализируется многими видными учеными: наряду с такими мэтрами, как А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, М. Хальбвакс, Ю. Шеррер, значительных результатов в исследовании политики памяти добились российские ученые А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко, И.С. Семенов и др. [Ассман 2014; Нора 2005; Хальбвакс 2005; Шеррер 2009]. В дискуссии о политизации истории четкую позицию озвучила О.Ю. Малинова: политика работает не с прошлым, а с коллективными представлениями о прошлом [Малинова 2018]. Сами эти представления могут конструироваться, а традиции — изобретаться (Э. Хобсбаум). Специальный выпуск издания «Символическая политика» посвящен изобретению традиций в современной России. [Символическая политика... 2012].

Коллективная память сопряжена с идентичностью и как элемент общественного сознания, и как научная категория, она может быть исследована и определена через категорию идентичности: понимание своей принадлежности к социальной общности, с которой разделяются ценности, смыслы, представления о значимых событиях, людях, символах [Семенов 2018; Семенов 2020; Титов 2017; Идентичность... 2017; Сыров и др. 2019].

Региональное измерение политики памяти и коллективной идентичности характеризуется в целом ряде исследований [Назукина 2011; Аникин 2018; Аникин 2012; Политика памяти в России... 2023]. М.В. Назукина, анализируя

процессы на региональном и локальном уровнях, фокусирует внимание на том, что активную роль играют «не только органы государственной власти и местного самоуправления, но и образовательные и культурно-просветительские учреждения, бизнес-структуры, СМИ, общественные организации и гражданские инициативы». Она отмечает значимость таких факторов, как культурно-исторические особенности регионального или локального сообщества, экономическая специализация, природно-климатическое своеобразие и ряд других [Назукина 2018]. Коллективная монография «Политика памяти в России — региональное измерение» под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко включает такую проблематику, как тематический репертуар политики памяти в регионах современной России, структуры взаимодействия локальных и федеральных акторов по проблемам политической интерпретации исторического прошлого, на широкой эмпирической базе представляет политику памяти в 7 макрорегионах, определяет значимость изучения локального измерения политики памяти [Политика памяти... 2023].

На уровне местных сообществ необходимо учитывать эмоционально аффективную природу коллективной памяти, для которой важны мифы, травмы, герои, а семейная память может быть сильнее того, что транслируется сверху. В памяти о Великой Отечественной войне, согласно исследованиям, 70 % воспоминаний формируются под воздействием семейных историй как о воевавших родственниках, так и об испытаниях военной поры, выпавших на долю тех, кто жил и трудился в тылу [Рубцова 2017].

Авторы ставят своей целью проследить взаимосвязь исторической политики, политики памяти и коллективной памяти на примере локальных сообществ — г. Лянтор Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и г. Кудымкар, столицы Коми-Пермяцкого округа в Пермском крае. Оба города немногочисленные по количеству жителей — чуть больше 40 тыс. в Лянторе, чуть меньше 30 тыс. в Кудымкаре, но значимые для своего региона. Прием сравнительного исследования позволяет получить сопоставимые данные о влиянии исторической политики на политику памяти и формирование общенациональной и локальной идентичности.

Разделяемые Уральскими горами, но географически близкие, уральский и югорский регионы имеют схожие природные условия, похожие черты в экономических укладах и социально-демографической структуре населения, а также общие траектории исторического развития, что не может не отражаться в идентификационных процессах.

Жителей обоих регионов объединяет не только проживание в суровых природных условиях, но и ощущение фронта: наличия пласта древней, еще языческой, культуры, существовавшей до освоения этих земель русскими и сохранившейся в мифологии. Общим условием формирования идентичности регионов выступает и их многонациональный состав, причем воспринимаемый в обоих случаях не как риски для идентичности, а как ее неотъемлемая базовая ценность.

В то же время есть и немало различий. Если идентичность Урала формировалась как «опорный край державы» с многовековой историей промышленного

освоения, с «длинной» исторической памятью и укорененным населением, то Югра — регион нового освоения (нефтегазовый «Клондайк»), чья современная идентичность сформировалась во второй половине XX в. Более высокая миграционная динамика в Ханты-Мансийском автономном округе создает базу формирования своеобразной субидентичности «вахтовика» в пике доминирующей идентичности, нарочито декларирующей отсутствие глубокой привязанности к территории.

Сопоставление исторической политики двух территорий позволяет определить, влияют ли эти различия на особенности протекания в них идентификационных процессов или в них превалируют общие черты.

Лянторский опыт политики памяти

Лянтор — бывший рабочий поселок Лянторский, возникший в 1967 г. на территории крупнейшего нефтегазового месторождения, — получил городской статус сравнительно недавно — в 1992 г. Как продукт поздней советской индустриализации он не имеет глубокой исторической традиции, способной стать основой культурной или коммуникативной памяти. Поэтому идентичность здесь строилась не на преемственности поколений, а на мифологеме первопроходцев, основу которой составляет гордость за покорение природы и создание города «с нуля» в сложных климатических условиях.

В качестве метода исследования политики идентичности и политики памяти в г. Лянторе применялся анализ нормативно-правовых актов органов муниципальной власти. Качественное социологическое исследование осуществлялось в ноябре 2025 г. методом фокусированного индивидуального интервью ($N = 30$). Использованы результаты вторичного анализа массового социологического опроса, проведенного в феврале 2025 г. в виде анкетного опроса с рассылкой через интернет и последующим отбором респондентов, проживающих в г. Лянторе, в выборочную совокупность ($N = 220$).

Институциональный каркас исторической политики г. Лянтора формируется деятельностью департамента внутренней и информационной политики Сургутского района. В нормативно-правовом плане обеспечение политики гражданской идентичности, политики памяти и межнационального согласия регулируется посредством реализации муниципальных программ.

Региональная идентичность средствами исторической политики Лянтора строится на дихотомии «модернизация — традиция». Ее образуют два ключевых нарратива. С одной стороны — героизация эпохи нефтяного освоения Севера. С другой — культивируется образ территории древних культур ханты и других КМНС через деятельность Лянторского этнографического музея, праздники («Вороний день») и поддержку ремесел. Это создает уникальный «бренд» территории и легитимирует присутствие индустриального общества на землях коренных народов. Эти нарративы отражаются в топонимике (улицы Назаргалиева, Белоножкина), памятниках (нефтекачалки, стелы), а также в деятельности Лянторского хантыйского этнографического музея и праздниках

(«Вороний день», «День рыбака и охотника»). Такой подход позволяет жителям, включая многонациональных мигрантов, ощущать связь с локальной историей и средой. Топонимика (ул. Дружбы народов, ул. Согласия) выполняет символическую функцию закрепления этой установки.

Важной частью исторической политики выступают и мероприятия в контексте СВО. Это сбор гуманитарной помощи, торжественные мероприятия, благотворительные концерты, фотовыставки. Увековечивается память бойцов СВО. При школах появились памятные места с мемориальными досками, посвященными ученикам, погибшим в зоне боевых действий. Созданная общественная организация «Ветераны боевых действий Лянтора» стала участником патриотического воспитания.

Вместе с тем некоммерческие организации, в том числе национально-культурные автономии, принимают слабое участие в исторической политике, организуемой главным образом муниципальными учреждениями.

Коллективная память

Судя по результатам опроса, у респондентов в качестве идентификационных символов преобладает гордость за Победу в ВОВ (22,3 %) и историю страны (19,4 %). Гражданская (96,5 %), национальная (94,7 %) и региональная (91,1 %) идентичности успешно совмещаются. Больше всего респондентов гордится участием своих предков в Великой Отечественной войне (38,2 %) и их добросовестным трудом в военные/послевоенные годы (30,9 %). Большая часть опрошенных знает историю семьи, начиная с дедушек и бабушек (59,6 %), а еще почти треть респондентов (31,6 %) указала, что знакома с историей нескольких поколений.

Семейные истории, рассказанные в ходе интервью, отличает особая теплота. Большая их часть относится к воспоминаниям о войне. *«Особую гордость в нашей семье вызывает история прадеда. Он был разведчиком и прошел всю войну... его имя значится на мемориале героев, и это для нас большая честь», «У меня два прадеда прошли полностью войну... дед баянистом был. И он с собой свой баян привез, который очень долго в семье хранился», «Послевоенное время для семьи, как и для всей страны, было периодом восстановления. Вспоминая рассказы, я понимаю, что это было время тяжелого труда и надежд на светлое будущее».*

Соответственно, недовольство лянторцев вызывает ненадлежащий вид ряда памятников, отсутствие в городе Вечного огня, отмена в 2025 г. шествия «Бессмертного полка»: *«Мы всей семьей ждали этот день, чтобы почтить память наших предков, готовили фотографии... А его взяли и отменили, как так можно?», «Вот в Сургуте был и автопробег, и „Бессмертный полк“, а у нас... просто позорище!».*

Почти все опрошенные отмечали, что Лянтор — это многонациональный город *«все мы, несмотря на различные национальности, являемся жителями одного города — лянторцами».*

Тем не менее проведенное исследование, наряду с выводом о системном характере политики памяти, осуществляемой в Лянторе, позволяет говорить и о наличии ряда лакун. Вне поля зрения исторической политики оказывается история повседневности и труда. С точки зрения опрошенных, недостаточно внимания уделяется сохранению памяти о трудовых подвигах нефтяников, строителей города, истории быта разных поколений лянторцев. Праздник «День нефтяника» утратил массовость. При высокой значимости для жителей города трудовой биографии, ценностей труда, социальной справедливости и модернизации наблюдается недостаточное включение трудовых и семейных нарративов в коллективные представления о прошлом.

Коми-пермский кейс

Обстоятельный анализ политики памяти в Прикамье (как называют Пермский край, ранее — Пермскую область) дала О.Ю. Малинова в коллективной монографии «Политика памяти в России — региональное измерение» [Политика памяти... 2023], однако он относится преимущественно к Перми. Между тем соединение в Прикамье общероссийских трендов с региональной спецификой выразилось одновременно в поддержке индустриальной истории Прикамья и этнокультурного наследия коми-пермяков. Даже название города Пермь происходит от коми-пермского парма (тайга), а название города Кудымкар переводится с коми-пермского как «город возле реки Кува». Первые упоминания о Кудымкаре относят к 1579 г.¹ Известный географ и картограф Иван Яковлевич Кривошеков по сведениям 1897 г. написал «Летопись села Кудымкар», откуда и черпают сведения о происхождении названия города и вехах его истории. Статус города Кудымкар получил в 1938 г.

В 1925–1977 гг. Кудымкар был столицей Коми-Пермского национального округа, затем Коми-Пермского автономного округа; с 2005 г. — Коми-Пермского округа как административно-территориального образования с особым статусом в составе Пермского края. По мнению ученых, создание в 1925 г. Коми-Пермского автономного округа со столицей в г. Кудымкаре (первого национального округа в стране) [Каменских 2021] было «стимулом к развитию таких идей и нарративов, которые позволяли коренному населению — коми-пермякам воспринимать себя как территориально консолидированное сообщество», что влияло на культурную память, выстраивание идентичности и реальность, проявляясь в сферах образования, досуга и брендинга территории. [Рязанова, Юрганов 2019: 132]. Политика памяти осуществляется на территории всего округа, однако основные программы, проекты, организации, инициаторы, активисты действуют в Кудымкаре.

Именно в Кудымкаре были созданы первые общественные национально-культурные организации — «Общество радетелей коми-пермского языка

¹ Городу Кудымкару 75 лет. URL: <https://www.komi-permarchiv.ru/index.php?page=gorodu-kudymkaru-75-let> (дата обращения: 14.01.2026).

и культуры «Югөр» (1988 — наст. время), в период с 2001 по 2008 г. действовала общественная организация «Коми-Пермяцкий народ», активны АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать); АНО «Центр сохранения и развития культурного наследия „Увтыр“ (Род)».

Нормативно-правовая база политики по обеспечению сохранения этнической идентичности коми-пермяцкого народа представлена в Уставе Пермского края от 27 апреля 2007 г.: об ответственности властей за условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа; о возможности использования в официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским коми-пермяцкого языка². В 2025 г. принят закон «О регулировании отдельных вопросов в области нематериального этнокультурного достояния на территории Пермского края», регулирующий поддержку учреждений культуры, охрану разнообразия и работу с наследием на региональном уровне. Эти документы определяют полномочия Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа по возрождению промыслов, СМИ на родном языке и образовательных учреждений.

Ключевыми акторами являются органы государственной власти Пермского края, включая Министерство культуры, Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа и администрацию Кудымкарского муниципального округа. Коми-Пермяцкий этнокультурный центр³ и Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка⁴ играют важную роль в сохранении памяти. Активизация работы с национальным материалом постоянно идет в Коми-Пермяцком национальном драматическом театре им. М. Горького. В настоящее время в репертуаре театра 5 спектаклей на коми-пермяцком языке⁵. Театр является предметом гордости кудымкарцев, он обладает сильной труппой, получает награды на российских и международных театральных конкурсах, проводит фестивали национальных театров на своей сцене, которая оснащена по последнему слову техники. Сегодня зрителю не так-то просто приобрести в театр билеты, а в его цехах и на сцене беспрестанно кипит работа и ведется подготовка к новым премьерам⁶.

Политика памяти соответствует общероссийским трендам, прежде всего, в том, что относится к памяти о Великой Отечественной войне. В Книге памяти приводятся данные, что из Коми-Пермяцкого округа было призвано около

² Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК (с изменениями и дополнениями). URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_perm/chapter/43c951d8803e4d3c0a4d98e76e8fcc55/ (дата обращения: 20.02.2026).

³ Коми-Пермяцкий этнокультурный центр : офиц. сайт. URL: <https://etnokpo.ru/contact> (дата обращения: 20.02.2026).

⁴ Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. Петра Ивановича Субботина-Пермяка : офиц. сайт. URL: <https://www.subbotin-permyak.com> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵ Коми-Пермяцкий театр. URL: офиц. сайт. <https://teatrko.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

⁶ Перемена. Пермь. URL: <https://peremena-perm.ru/proekty/specproekty/pedagog-tur/kudymkar-hranitel-komi-permyackoj-kultury> (дата обращения: 20.02.2026).

32 500 человек, из них 19 983 человека (62 %) погибли или пропали без вести⁷. Округ принял более 10 тыс. эвакуированных из 22 регионов. Двухтомное издание Книги памяти стало важным событием в политике памяти: в первом томе в алфавитном порядке и в исторической хронологии перечисляются фамилии воинов, погибших в войнах и военных конфликтах, призванных в городе Кудымкаре и Кудымкарском районе, второй том содержит списки погибших по Гайнскому, Косинскому, Кочёвскому, Юрлинскому и Юсьвинскому районам. В Кудымкаре есть Мемориал Победы — ансамбль памятников, посвященных погибшим в годы Великой Отечественной войны и Аллея Славы, посвященная 13 Героям Советского Союза — уроженцам Коми-Пермяцкого округа. В рамках этого мемориального комплекса установлен памятный знак бойцам СВО; в память о погибших в СВО устанавливаются мемориальные таблички на зданиях школ, где они учились.

В шествии «Бессмертного полка» в День Победы в 2025 г. в Кудымкаре приняли участие более 5 тыс. человек⁸.

80-летию Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию создания Коми-Пермяцкого округа были посвящены в 2025 г. Кривощёковские историко-архивные чтения. Программа к юбилею округа включала свыше 160 мероприятий, в том числе фестивали «Акань», «Бур сур», «Зажинки»; в Кудымкаре прошел форум «Русский мир»; театральные фестивали «Любитом 2025», выставки, концерты и гастротесты, которые фокусировались на традициях, ремеслах и современном творчестве.

«Наши фестивали — это возможность для всех нас лучше понять, как жили и живут люди в Коми-Пермяцком округе, за что они так любят и ценят свое наследие, — заявила Татьяна Санникова, генеральный директор Пермского дома народного творчества «Губерния». — Но наши мероприятия — это не только про старину, но и про будущее культуры Коми-Пермяцкого округа»⁹.

Коллективная память и региональная идентичность

В коми-пермяцком народном эпосе есть свои культурные герои — Перабогатырь и Кудым-ош, обладавшие силой, умом и справедливостью. В 2008 г. в Кудымкаре открыт памятник одному из этих мифологических национальных героев. На монументе Кудым-Ош изображен выходящим из гигантской книги в сопровождении медведя и филина. Коми-пермяцкий писатель В.В. Климов написал пьесу «Легенда о Кудым-Оше», по которой режиссер Коми-Пермяцкого национального драматического театра С. Андреев поставил одноименный

⁷ Российская Федерация. Коми-Пермяцкий автономный округ. Книга памяти : [в 2 т.] / [редкол.: пред.: В.В. Рычков и др.]. Кудымкар : Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2005.

⁸ День Победы в Коми-Пермяцком округе: как это было. URL: <https://komiperm100.ru/den-pobedy-v-komi-permyaczkom-okruga-kak-eto-bylo/> (дата обращения 20.02.2026).

⁹ Лето, которое объединяет. URL: <https://komiperm100.ru/leto-kotoroe-obedinyayet-v-chest-100-letiya-komi-permyaczskogo-okruga-sostoyatsya-bolee-50-sobytij/> (дата обращения 20.02.2026).

спектакль, он был представлен в фестивальной афише театра. Любопытно, что образ Кудым-Оша включен в компьютерную игру «Человеколось».

Финский исследователь Сеппо Лаллукка посвятил отдельную главу своей монографии «Коми-пермяки и Коми-пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы» коллективной памяти, озаглавив ее «Узловые моменты коллективной памяти народа» [Лаллукка 2010]. Он описывает ситуацию с коми-пермяцким языком и культурой, использует графики и диаграммы, чтобы показать уровень функционирования коми-пермяцкого языка. В книге использованы данные массового опроса 1992 г., анализ которых показал наличие языковых комбинаций четырех групп коми-пермяков: национальных монолингвов, неассимилированных билингвов, ассимилированных билингвов и ассимилированных монолингвов, говорящих лишь по-русски, однако называющих себя коми-пермяками. Большой проблемой он считал отсутствие периодики на коми-пермяцком языке. Лишь в 1993 г. начал выходить детский журнал «Силькан» (Колокольчик) на коми и русском языках. Бывшая окружная газета «По ленинскому пути», теперь городская газета «Парма» выходит на русском языке, эпизодически публикуя отдельные странички по коми. Статистические показатели и данные проводимых социологических исследований свидетельствуют о снижении уровня владения коми-пермяцким языком, особенно среди представителей молодого поколения, сужении сферы его функционирования. Продолжаются процессы «русификации» коми-пермяцкого языка и «обрусения» средних и крупных населенных пунктов, прежде всего города Кудымкара и районных центров. Не преодолена тенденция к отказу от коми-пермяцкого языка в семье, особенно в городе Кудымкаре и районных центрах.

В рецензии на книгу Лаллукки Е.А. Цыпанов отмечает, что с 31 марта 2008 г. информационная программа «Вести–Кудымкар» ведется полностью на коми языке, появились районные газеты (ранее закрытые), среди которых отдельные странички печатаются на коми языке. С 19 февраля 2010 г. в Кудымкаре выходит еженедельная комиязычная газета «Кама кытшын» («В излучине Камы»), знаменующая восстановление периодики на коми-пермяцком языке, переведенной еще в 1950-е гг. на русский язык [Цыпанов 2011]. Позитивные изменения происходят после вхождения округа в состав Пермского края. На фокус-группах респонденты отмечали существенные сдвиги в издательском деле и в сфере образования в части обеспечения школ учебной литературой на родном языке¹⁰. Отдельное направление — исследование истории коми-пермяцкого языка, отраженное в трудах историков (М. Каменских), филологов (А.С. Лобановой и С.С. Шляховой).

Опросы общественного мнения, полевые исследования, проведенные в 2020–2021 гг., ставили целью выяснить взгляды населения округа

¹⁰ Черных А.В., Каменских М.С. Первый национальный: 100-летие Коми-Пермяцкого округа: итоги национальной политики и современные этнокультурные процессы // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2024 г. : ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Пермь, 2024. URL: <https://posredi.ru/itogi-nacionalnoj-politiki-v-komi-permjackom-okruge-permskij-kraj.html>

на последствия административной реформы 2005 г., согласно данным, «объединение Коми-Пермяцкого округа и Пермской области большинством опрошенных воспринимается как необратимый и объективный процесс, поддержанный федеральным центром»¹¹. Характерно, что для жителей округа на первом месте стоит гражданская идентичность, они воспринимают себя скорее, как граждане России, нежели как жители Пермского края, округа или представители своей национальности. М. Каменских делает на основании этносоциологических исследований вывод: «Коми-Пермяцкий округ наглядно демонстрирует, что уважение к локальной идентичности не угрожает единству страны, а, напротив, укрепляет его, создавая прочную основу для взаимного доверия и устойчивого развития. Эта территория уже сто лет служит экспериментальной площадкой, и ее опыт бесценен для выстраивания федеративных отношений в многонациональной стране»¹².

В деле сохранения памяти важны не только институты, но и личности. Каменских называет символической фигурой коми-пермяцкого активиста Фёдора Гавриловича Тараканова, который «настаивал, что коми-пермяки — отдельный народ со своим языком, и ему нужна отдельная автономия, даже в составе области Коми»¹³. В Кудымкаре значительную роль играет Клуб ветеранов, который проводит на базе архива ежемесячные мероприятия, темы которых связаны с малой родиной: с историей православия среди коми-пермяков, образованием Коми-Пермяцкого национального округа, развитием коми-пермяцкого языка, работой тыла в годы Великой Отечественной войны, с постсоветской историей округа.

Иногда политика памяти и коллективная память сходятся в деятельности конкретного человека, такого как Виктор Васильевич Рычков, фигура, воплощающая авторитет власти и духа родной Пармы. Более четверти века (с 1994 по 2020 г.) он занимал руководящие должности в Коми-Пермяцком округе, направляя развитие региона через призму культурного возрождения. Его лидерство отличалось стремлением к новации и интеграции: он сокращал аппарат, укреплял экономику и поддерживал национальные проекты, делая Кудымкар центром единства [Зубов 2003]. При нем было завершено долголетнее строительство драматического театра. Глубокое знание коми-пермяцкой истории и культуры отражено в его выступлениях на многочисленных конференциях и форумах. Будучи выпускником исторического факультета Пермского государственного университета, Рычков посвятил себя изучению коми-пермяцкого наследия.

¹¹ Черных А.В., Каменских М.С. Первый национальный: 100-летие Коми-Пермяцкого округа: итоги национальной политики и современные этнокультурные процессы // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2024 г. : ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Пермь, 2024. URL: <https://posredi.ru/itogi-nacionalnoj-politiki-v-komi-permyackom-okruge-permskij-kraj.html> (дата обращения 20.02.2026).

¹² Первый национальный в СССР. Как создавался Коми-Пермяцкий округ. URL: <https://perm.aif.ru/society/pervyy-nacionalnyy-v-sssr-kak-sozdavalsya-komi-permyackiy-okrug> / (дата обращения 20.02.2026).

¹³ Первый национальный в СССР. Как создавался Коми-Пермяцкий округ.

Как краевед и общественный деятель, он анализировал разные стороны истории региона и в особенности коми-пермяцкого языка, публиковал материалы, оживляющие дух пермяцкой старины. Его литературное творчество (поэтический сборник «Оланлӧн шӧрт» (Нить жизни, 1997), «Рӧма вӧттэз» (Цветные сны, 2010), за который он удостоен премии имени Михаила Лихачева в области прозы, «Шыпас чукӧр» («Азбука», 2014), популяризируют язык предков через красоту прикамской природы, обращение к собственным корням, философское осмысление жизни. Для подрастающего поколения предлагаются удивительные сюжеты из жизни домашних животных, зверей и птиц, реальные детские истории. Книги, изданные в Кудымкаре, можно найти в библиотечных системах образования и культуры округа. Они прививают интерес к родному языку, что особенно важно в условиях снижения уровня владения коми-пермяцким языком у молодого поколения¹⁴.

Яркий пример хранителя памяти и самобытности коми-пермяков дает Анатолий Иванович Радостев, известный и любимый в Кудымкаре актер, который перевел на коми язык «Женитьбу» Гоголя, написал и поставил в 2000 г. эксцентрическую комедию «Гузи да Мези» на коми-пермяцком языке с синхронным переводом на русский язык, ведет программы на коми на радио. Спектакль идет на сцене уже 25 лет и даже получил продолжение «Гузи да Мези-2», актер же стал узнаваемым и родным для жителей Кудымкара. «Все здороваются: и молодые, и пожилые... Особенно бабушки на рынке всегда узнают и начинают разговаривать. Если с ними по-русски говоришь, они замечание делают, что это ты по радио по коми говоришь, а с нами по-русски — рассказывает актер. — Я просто сам, на своем примере показываю, что я с удовольствием разговариваю на коми-пермяцком языке, я веду авторскую передачу на радио на коми-пермяцком языке и показываю всем, какой он красивый и сочный, наш язык. Я с удовольствием играю спектакли на коми-пермяцком языке, и если в зале сидит 300–400 человек и при выходе из зала 2–3 человека возьмут себе что-то доброе и хорошее из моих ролей, я считаю, что я свое дело сделал и не зря прожил свою жизнь»¹⁵.

В последние годы в Коми-Пермяцком округе проводится политика восстановления обрядов и обычаев, а также введения новых: в последние годы с успехом отмечается праздник «Ай да рыжик!» в честь гриба рыжика, праздник «Пистик лун» в честь растения хвощ и «Пикан лун» — в честь растения сныть [Краузе, Епанов 2013].

У коми-пермяков культура очень тесно связана с темой природы. Древние коми-пермяки считали, что «вышли из леса». Показательно, что пистики стали гастрономическим брендом, пельмени, пирожки и другие блюда с пистиком считаются изюминкой коми-пермяцкой кухни, они были представлены и на гастрономическом

¹⁴ Портал национальных литератур. URL: https://rus4all.ru/authors/viktor_riyckhov/ (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁵ Коми-Пермяцкий театр : офиц. сайт. URL: <https://teatrko.ru/media/news/v-nuzhnoe-vremja-v-nuzhnom-meste-k-jubileju-zasluzhennogo-artista-rf-anatolija-radosteva/> (дата обращения: 20.02.2026).

фестивале «Коми ели». Это еще одна локальная история (наряду с пищей или пазл-альей), как пища бедняков становится ресторанным специалитетом.

Как известно, в действующей редакции Стратегии государственной национальной политики провозглашено достижение двуединой задачи — сохранение культур традиционных народов и укрепление гражданского единства, что предполагает компромисс между общегражданскими и локальными этнокультурными ценностями.

Заключение

Сравнительный анализ исторической политики, осуществляемой в г. Лянтор и г. Кудымкар, демонстрирует их общие, связанные с трендом на решение ключевой в обоих случаях задачи — формирования гражданской (общенациональной) и региональной идентичности. Это достигается через широкий спектр коммеморативных практик: от мемориальных досок и топонимики до массовых патриотических и межэтнических мероприятий.

Сходным выступает и контент, формирующий общенациональную (гражданскую) идентичность: нарративы Великой Отечественной войны и СВО. Основные инструменты — «места памяти» государственные праздники и акции («Вахты памяти», «Бессмертный полк», Уроки мужества, «День народного единства»), система мероприятий, организуемых муниципальными учреждениями образования и культуры. Это создает прочную связь с общегосударственным нарративом, хотя нередко содержательно и сужает гражданскую идентичность до военного подвига.

Вместе с тем можно говорить о разных стратегиях политики памяти. Для Кудымкара характерно стремление создать для нее широкую контентную и социальную опору за счет включения в идентификационные нарративы этнического компонента политики памяти, этнического исторического и культурного материала, что, в свою очередь, обеспечивает более заинтересованное участие в политике идентичности институтов гражданского общества, в том числе национально-религиозных объединений. Возникающие при этом риски некоторого дефицита символического содержания макрополитической идентичности микшируются обращением к идеологеме общего культурного пространства.

В противоположность этой «национально и культурно плюралистической» модели политики идентичности, стратегию, применяемую в Лянторе, следует назвать в большей мере «унифицирующей». Очевидно, что связана она с высоким уровнем миграционной активности, требующим функционирования адаптационного механизма в режиме «плавильного тигля». Львиную долю вклада общественных организаций в политику идентичности, в том числе в Лянторе, составляют усилия по сохранению культуры коренных малочисленных народов Севера, составляющих в общем незначительную долю в общей численности населения. Это в большей мере работа по брендированию территории. Поэтому и в исторической политике акцент делается не на этническом или культурном своеобразии, а на обращении к символам общей истории, что, например, было

заметно по комплексу мероприятий в дни празднования 900-летия первого упоминания Югры в 2016 г. в русских летописях.

В целом кейсы г. Лянтор и г. Кудымкар продемонстрировали эффективность муниципальной исторической политики в качестве инструмента формирования общенациональной и региональной идентичности, хотя и в рамках различных стратегических моделей. В то же время следует заметить, что дальнейшая устойчивость проводимой политики и легитимность действующей власти будут зависеть от устранения отмеченных лакун, от процессов вовлечения в историческую политику новых акторов, включения трудовых и семейных нарративов в публичную память.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2026

Доработана после рецензирования / Revised: 18.02.2026

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2026

Библиографический список

- Аникин Д.А. Политика памяти в современном российском обществе: урбанистический аспект // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Философия, психология, педагогика. Вып. 1. С. 3–7.
- Аникин Д.А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. Серия 7. Философия. № 3. С. 121–126.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Васильев А. Memory studies: единство парадигмы — многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18946/ (дата обращения: 20.02.2026). EDN: PFSTLV
- Зубов Ю.П. Парма — земля моя: история Коми-Пермяцкого округа в лицах : краткие биографические данные. Пермь : Горт, 2003. 216 с. (Именитые граждане земли Коми-Пермяцкой; вып. 6).
- Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / отв.ред. член-корр. РАН И.С. Семененко. Москва : Весь Мир, 2017. 992 с.
- Каменских М.С. Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX — начале XXI века. Санкт-Петербург : Изд-во «Маматов», 2021. EDN: JDLBNQ.
- Краузе А.А., Епанов А.В. Специфика этнической идентичности на примере коми-пермяков, проживающих в городе Кудымкаре Пермского края // Вестник ПГГПУ. Серия № 3 Гуманитарные и общественные науки. 2013. С. 104-109. EDN: SFGXLB.
- Лаллукка Сеппо. Коми-пермяки и Коми-пермяцкий округ : история, демографические и этнические процессы. СПб. : Европейский Дом, 2010. 336 с.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 27–53. EDN: YNCLNJ.
- Миллер А.И. Историческая политика в восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI в. : сб. статей. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32. EDN: RJMREF

- Миллер А.И. Россия: власть и история // «Pro et Contra». 2009. № 3. С. 6–23. EDN: YUTDGZ.
- Морозова Е.В., Назукина М.В. Политика идентичности в региональном и локальном измерениях // Политика идентичности: понятия, смыслы, практики : учебное пособие / отв. ред. Л.А. Фадеева. Пермь : ИЦ «Титул», 2023. С. 143–159.
- Назукина М.В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь : Печатный салон «Гармония», 2018. 196 с. EDN: OZAKAZ
- Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас. Екатеринбург, 2005. № 2–3.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77 <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05> EDN: OEGKSH
- Политика идентичности: понятия, смыслы, практики : учебное пособие / отв. ред. Л.А. Фадеева. Пермь : ИЦ «Титул», 2023. 320 с.
- Политика памяти в России — региональное измерение : монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 471 с.
- Рубцова В.Ю. Политика памяти в практике конструирования локальной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1. Вып. 4. С. 451–455. EDN: YNHODY
- Рязанова С.В., Юрганов Ф.А. Миф о коми-пермяках в контексте региональной политики памяти // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2. С. 132. <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139> EDN: WPIGEF
- Самаркина И.В. Политика памяти и исторический нарратив. Идентичность. Личность. Общество. Политика : энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. Москва : Весь Мир, 2017. С. 666.
- Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11. С. 65–76. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-6> EDN: YPXMNN
- Семененко И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32> EDN: МКВЕАН
- Символическая политика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. М., 2012.
- Сыров В.Н., Головашина О.В., Овчинников А.В., Аникин Д.А., Линченко А.А. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. 224 с.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Москва : Типография «Ваш формат», 2017. EDN: YTLWVN
- Фадеева Л.А. Борьба за конструирование региональной идентичности: Пермский случай // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 2. С. 43–51 EDN: NXPSCD.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. Москва : Высшая школа, 1992. 351 с.
- Хальбвасс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Екатеринбург, 2005. № 2/3.
- Цыпанов Е.А. Рецензия на книгу Лаллукка, Сеппо. Коми-пермяки и Коми-пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. Финно-угорский мир. 2011. № 2/3.
- Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти// Pro et Contra. 2009. URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=48576> (дата обращения: 20.02.2026).

- Corning A., Schuman H. *Generations and Collective Memory*, Chicago : Chicago University Press, 2015.
- Zemon R., Khalilli F., Qeli L., Wittmann V. *Collective Memory, Memory Politics and Contemporary identities in the Context of local, regional and global Conflicts and alliances*, 2025.
- Denton K. *The Landscape of Historical memory: the Politics of Museums*. Hong Kong University Press, 2021.
- Dixon L., Hales A. *Bringing History Alive Through Local People and Places*. Routledge, 2014.
- Gutman Y., Wüstenberg J. *The Routledge Handbook of Memory Activism*. 2023.
- Zheng Wang. *Memory Politics, Identity and Conflict. Historical Memory as a Variable*. 2018.

References

- Anikin, D.A. (2011). The politics of memory in contemporary Russian society: An urban aspect. *Bulletin of Saratov University. Vol. II. Philosophy, Psychology, Pedagogy*, (1), 3–7. (In Russian).
- Anikin, D.A. (2012). Strategies for transforming the politics of memory in contemporary Russia: A regional aspect. *Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy*, (3), 121–126. (In Russian).
- Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: Memorial culture and historical policy* (B. Khlebnikov, Trans.). New Literary Review. (In Russian).
- Zemon, R., Khalilli, F., Qeli, L., & Wittmann, V. (2025). *Collective Memory, Memory Politics and Contemporary identities in the Context of local, regional and global Conflicts and alliances*.
- Corning, A., & Schuman, H. (2015). *Generations and collective memory*. University of Chicago Press.
- Denton, K.A. (2021). *The landscape of historical memory: The politics of museums and memorial culture in post-martial law Taiwan* (1st ed.). Hong Kong University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1wd02k5>
- Dixon, L., & Hales, A. (2014). *Bringing history alive through local people and places*. Routledge.
- Fadeeva, L.A. (Ed.). (2023). *Identity politics: Concepts, meanings, practices*. IC “Titul”. (In Russian).
- Fadeeva, L.A. (2011). The struggle for the construction of regional identity: The Perm case. *Bulletin of Perm University. Political Science*, (2), 43–51. (In Russian).
- Ferro, M. (1992). *How history is told to children in different countries of the world*. Vysshaya Shkola. (In Russian).
- Gutman, Y., & Wüstenberg, J. (2023). *The Routledge handbook of memory activism*. Routledge.
- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Neprikosnovenny Zapas*, (2/3). [Page range unknown]. (In Russian).
- Kamenskikh, M.S. (2021). *The first national: The Komi-Permyaks in Russia's national policy in the 20th — early 21st centuries*. Mamatov Publishing House. (In Russian).
- Krauze, A.A., & Epanov, A.V. (2013). Specific features of ethnic identity: The example of the Komi-Permyaks living in Kudymkar, Perm territory. *Vestnik of PGPU. Series No. 3. Humanities and Social Sciences*, 104–109. (In Russian).
- Lallukka, S. (2010). *The Komi-Permyaks and the Komi-Permyak Okrug: History, demographic, and ethnic processes*. European House. (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (Ed.). (2012). *Symbolic politics*. Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. Issue 1 (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (2018). The politics of memory as a field of symbolic politics. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Methodological issues in the study of the politics of memory*. Nestor-Istoriya. (In Russian).

- Miller, A.I., Malinova, O.Yu., & Efremenko, D.V. (Eds.). (2023). *Memory politics in Russia — regional dimension* Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. (In Russian).
- Miller, A.I. (2009). Russia: Power and history. *Pro et Contra*, (3). (In Russian).
- Miller, A.I. (2012). Historical policy in Eastern Europe at the beginning of the 21st century. In *Historical policy in the 21st century: A collection of articles*. New Literary Review. (In Russian).
- Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V., & Semenenko, I.S. (2020). Development of rural local communities: The potential of identity politics. *Polis. Political Studies*, (3), 56–77. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>.
- Morozova, E.V., & Nazukina, M.V. (2023). Identity politics in regional and local dimensions. In L.A. Fadeeva (Ed.), *Identity politics: Concepts, meanings, practices*. (pp. 143–159). IC “Titul”. (In Russian).
- Nazukina, M.V. (2018). *Between the Urals and the Volga region: The search for Perm identity*. Harmony Printing Salon. (In Russian).
- Nora, P. (2005). Global celebration of memory. *Neprikosnovenny Zapas*, (2–3). (In Russian).
- Rubtsova, V.Yu. (2017). Memory politics in the practice of constructing local identity. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 1(4), 451–455. (In Russian).
- Ryazanova, S.V., & Yurganov, F.A. (2019). The myth of the Komi-Permyaks in the context of regional memory politics. *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, (2), 132–139. (In Russian). <http://doi.org/10.20874/2071-0437-2019-45-2-132-139>.
- Samarkina, I.V. (2017). Memory politics and historical narrative. In I.S. Semenenko (Ed.), *Identity. Personality. Society. Politics* (p. 666). Ves’ Mir. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2018). The past at the forefront of identity politics. *Global Economy and International Relations*, 62(11), 65–76. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-6>.
- Semenenko I. S. (Ed.). (2017). *Identity. Personality. Society. Politics*. Ves’ Mir. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2020). New perspectives on identity politics: Difficult memory in twentieth-century history museums. *World Economy and International Relations*, 64(5), 16–32. (In Russian). <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>.
- Syrov, V.N., Golovashina, O.V., Ovchinnikov, A.V., Anikin, D.A., & Linchenko, A.A. (2019). *Conceptual foundations of memory politics and prospects of post-national identity*. Tomsk State University Publishing House. (In Russian).
- Titov, V.V. (2017). *Memory politics and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Vash Format Printing House. (In Russian).
- Vasiliev, A. (2012). Memory studies: Unity of paradigm — diversity of objects. *New Literary Review*, (5). (In Russian).
- Zheng, W. (2018). *Memory politics, identity and conflict: Historical memory as a variable*.
- Zubov, Yu.P. (2003). *Parma — my land: The history of the Komi-Permyak Okrug in persons* (Brief biographical data, Vol. 6). Gort. (In Russian).

Сведения об авторах:

Мартынов Михаил Юрьевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и философии, Сургутский государственный университет (e-mail: martynov_myu@surgu.ru) (ORCID: 0000-0002-8245-7359)

Габеркорн Алена Игоревна — старший преподаватель кафедры политологии и философии, Сургутский государственный университет (e-mail: gaberkorn_ai@surgu.ru) (ORCID: 0000-0003-0652-8431).

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru); (ORCID: 0000-0002-3389-750X)

About the authors:

Mikhail Yu. Martynov — Doctor of Historical Sciences, Professor in the Department of Political Science and Philosophy, Surgut State University (e-mail: martynov_myu@surgu.ru) (ORCID: 0000-0002-8245-7359)

Alyena I. Gaberkorn — senior lecturer in the Department of Political Science and Philosophy, Surgut State University (e-mail: gaberkorn_ai@surgu.ru) (ORCID: 0000-0003-0652-8431).

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Sciences, Professor in the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University (e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-3389-750X)